

ЖИВОПИСЬ

Имеющий глаза да видит!

О творчестве художника Анатолия Мосийчука

«На улице холод, грязь, тоска, а тут еще Вы со своими картинами...» И рядом: «Если б у меня была Ваша картина, я бы повесила ее на стену и каждый день на нее молилась!» Вот два взаимоисключающих отзыва из книги посетителя на выставке Анатолия Мосийчука, только что завершившейся в ЦДХ.

ТВОРЧЕСТВО А. Мосийчука и в самом деле явление сложное, не поддающееся однозначному толкованию. А иногда и просто герметически закрытое для постороннего взгляда, как, скажем, книга на санскрите: знаешь, что за мудреными значками скрыто что-то важное, а прочесть не можешь. И похоже, что художник и не очень стремится быть понятным - ему это просто не нужно. Он пишет свои картины потому, что просто не может их не писать. Несколько слов о художнике. Он родился в 1942 году в Винницкой области, на Украине жил до 1954 года, потом еще три года - во Львове, где учился в профтехучилище и бегал рисовать в изостудию при Доме офицеров. 1965-1970 годы - Строгановка, а потом - свободное творчество, вне всех направлений и группировок. Досконально освоил различные техники - живопись, графику, резал гравюры по металлу, дереву, линолеуму, в скульптуре работал и в металле, и в камне, и в дереве. Как он сам выражается, творил не только на земле, но и под землей, и на воде: его работы

«Демон и дева». 1994.

велики по размерам и решены обычно в неброской гамме трех-четырех цветов, точнее, их вариаций - серого, черного, желтовато-коричневого, белого, иногда с вкраплением блекло-красного или голубого пятна. Формы намеренно размыты, любая четкость, «вырезанность» исключена. Все чаще работа по холсту заменяется работой по бумаге или картону. Особая техника, разработанная художником, дает ему почти неограниченную свободу действий и возможность достигать живописных эффектов, недоступных даже такой тончайшей технике, как акварель, особенно при проработке фактурных кусков. А на противопоставлении глади и фактуры построено большинство работ Мосийчука. Фактура требует определенного срока для созревания - «вяления», тогда

художник отставляет полотно и начинает работать над другим.

Действие у Мосийчука происходит в некоем сумрачно-спокойном пространстве и почти никогда - в интерьере. Возможны детали - некое подобие строений, столб, качели, дерево, куст. Среди этого антуража располагаются одна, две, три, иногда больше фигур, чаще женских, чем мужских, чаще голых,

ник отнюдь не является таким анахоретом, забившимся в мастерскую, закрывшим наглухо глаза и уши, чтобы ничего не видеть и не слышать. Анатолий - нормальный, вполне контактный, приятный в общении человек, твердо стоящий на земле, объехавший полсвета и повидавший немало стран, он прекрасно понимает все, что творится вокруг.

Но, по-видимому, природа одарила его чувствительностью восприятия, намного пре-

вещающей жизни, сколько тончайших оттенков переживаний, ими вызванных. Но главное, все это не только о художнике, но и о нас с вами, о наших сомнениях, страхах, предчувствиях. Только выражено все это не так, как мы привыкли - в лоб: станок работает, танк стреляет, девочка плачет..., а как в поэзии, музыке - особым языком, особой, сугубо индивидуальной системой кодовых образов-знаков, сплошь и рядом обозначающих совсем не то, что мы видим. Причем видим каждый свое. Как в знаменитом стихотворении Н.Гумилева «Лес»: «Может быть, тот лес - душа твоя, Может быть, тот лес - любовь моя, Или, может быть, когда умрем, Мы в тот лес направимся вдвоем».

Но все на свете можно постигнуть, даже неслышанно трудный санскрит. И картины Мосийчука тоже не так уж темны,

«Брак». 1994.

надо лишь потрудиться умом и чувством, «скамертонить» с ними. И станет ясно, что неизменные его герои-женщины, звери, птицы - это зашифрованные выражения неких душевных состояний художника. Что плачущая женщина - это грусть или одиночество, тоска в земле - отчужденность людская, подобие полосатого железнодорожного шлагбаума - тупик, безысходность, в том числе и общественная. Причем она может быть вполне материальной - ею можно перепилить человека, опять же обнаженную женщину. Почему у Мосийчука так много женщин? Наверное, потому, что человек - мера всех вещей, а женщина духовно тоньше, восприимчивее мужчины. Почему обнаженная? Потому что перед Вечностью мы все наги и беззащитны...

Иные полотна содержат зрительный эквивалент пословиц, поговорок, крылатых выражений, причем художник, подобно средневековому наивному богемцу, изображает все буквально. И если, к примеру, сказано «Всякий несет свой жизненный груз», то человек на картине будет нести что-то ни на что не похожее, но явно тяжелое. Иногда, хотя очень редко, бывают у Мосийчука работы с политическим подтекстом, например, «Театр», где, опутанные красным полотнищем, бьются, судорожно пытаются высвободиться, две фигуры. Но чаще, общественный настрой передается исподволь, причем сам мастер может быть и не очень осознан, почему именно на этой картине появился именно этот образ. Вот «Стая» - волки (или что-то вроде волков) преследуют какое-то большое существо. После расспросов выяснилось, что полотно было навеяно какими-то событиями прошлых лет - митингами, агрессивностью толп на площадях. Анатолий признался, что в бытность свою в Англии и Франции писал картины абсолютно ему несвойственные по манере и по возвращении просто уничтожил их, настолько они были ему чужды...

Хотя художник старается держаться подальше от политики, он не может уйти от нее - она рассеяна сегодня в воздухе России, и, как антенна высокой чувствительности, он ловит ее импульсы. Парадоксально, но по этим странам, отвлеченным полотнам можно изучать изменения общественной ситуации в стране. До сих пор на них не смел появляться явственно Князь Тьмы. Но в одном из последних - «Демон и Дева» он явился во всей своей злой мощи, терзая черными когтями обнаженное женское тело. Что это значит? О чем это? Думайте, гадайте. Имеющий глаза да видит. Видно, что-то опять с нами не так. Не верите? Откройте сегодняшнюю газету...

«Тропа». 1991.

украшают теплоходы и станции метро; он даже сподобился оформить входной зал мавзолея Хо Ши Мина в Ханое, причем избежав всякой политики и тем не менее заслужив одобрение строгих заказчиков.

В отличие от современной болтливой молодежи, с удовольствием и многословно излагающей свои концептуальные установки, Анатолий Мосийчук о своем творчестве предпочитает молчать, считая, что главное высказано им в картинах. И большая часть ответов его на эту тему носит негативный характер. Радио и ТВ старается не слушать. Книг и газет не читает. Импрессионистов не любит, равно как и модернистов. Кумиров не имеет, всю жизнь старается быть независимым от любого влияния. Впрочем, несколько имен все-таки всплыло: Джотто, русская икона, Гойя, Данте, Шекспир, Пушкин, Гоголь, Достоевский, Блок.

Недостатка в идеях у него не бывает - их всегда рой. Непременное условие творчества - одиночество, тишина («не люблю крика ни в жизни, ни в искусстве») и чистый холст. Картина рождается без эскизов, целиком, как Афина Паллада из головы Зевса. На первое место все больше выходит живопись. Забросил металл - от него аллергия. Скульптуру для воплощения приходится отдавать в чужие, равнодушные руки (по мнению Анатолия, загублено безвозвратно оформление станций метро «Крылатское» и «Бабушкинская»). Велик процент случайности в графике. И только живопись удовлетворяет требованиям строгого к себе мастера: здесь только он за все в ответе, за каждый миллиметр поверхности холста.

- Так о чем же все-таки твои картины?

- Не знаю сам. Они выливаются на холст помимо моего понимания. Как стихи или музыка. И каждый волен толковать их по-своему. Разве можно пересказать стихи Блока о Прекрасной Даме?

- Почему у тебя так все мрачно? Ты пессимист?

- Нет. Скорее лирик. Так окончилась наша беседа.

Картины А. Мосийчука не-

«Грань». 1992.

чем одетых. Нередко рядом с людьми действуют звери, птицы - неясные, размытые ипостаси, не волки, не собаки, не вороны - что-то темное, лохматое или пернатое. Взаимоотношения персонажей неясны: они могут обниматься, драться, гоняться за кем-то толпой, ездить друг на друге верхом. Но им ничего не стоит полетать по воздуху, полежать на облаке, взгромоздиться себе на голову стул или дом... Все национальные и географические приметы устранены - неясно, в какой стране, в какое время происходит действие. Просто на поверхности Земли. Причем с годами композиции работ Мосийчука все более упрощаются, из них уходит сюжет, который хоть как-то можно было пересказать...

В картинах этих чувствуется драматизм, скорее угадываемый, скрытый, на поверхности мало что происходит, все намеренно приглушено. Нет ликования, но нет и скорби. Художник признался, что когда-то увлекался Данте. Но то, что он изображает, это не Ад. И не Рай. Это скорее Лимб - особое место в Аду, куда Данте поместил праведников, живших до пришествия Христа - место вечных сумерек и унылого покоя. Правда, покой у Мосийчука весьма условен. При внешней статичности полотен в них все время что-то зыбится, клубится, за внешней неподвижностью кипят страсти, явно нешуточные... Что же все-таки сон сей значит?

Начнем с того, что худож-

лой четкости «Капричос» или «Деспарадос», а к его фрескам с их пляской размытых светлых и темных пятен, мрачной фантастикой и герметичной закрытостью смысла.

Но у современного русского художника отсутствует черный ужас, которым пронизано творчество великого испанца, нет специфической «готической» мистики, которая была присуща европейской культуре даже в XVIII веке. У Мосийчука все светлее, мягче. Весь колдовской колорит, вся мистика здесь - от Гоголя, от его жутких «ночных» повестей - «Страшная месть», «Вечер накануне Ивана Купала»... В современном искусстве лучше всех сумел передать эту атмосферу Сергей Параджанов в своих знаменитых «Тенях забытых предков». Но; конечно же, Украина - лишь фундамент, первоисточник на пути создания особого ирреально-реального «мира Мосийчука».

И снова неумолимый вопрос: «про что» все-таки его картины?

Когда большое количество работ А. Мосийчука собрано вместе и грамотно развешено, как это было на последней выставке в ЦДХ, становится отчетливо видно, что все творчество этого художника - это, по сути дела, одна непрекращающаяся картина, разделенная на фрагменты лишь временем их создания. Как одна бесконечная музыкальная мелодия. Или еще точнее - нескончаемый год за годом ведущийся дневник, где запечатлены чуть ли не каждодневные чувства художника, фиксация не столько явлений ок-

Олег ТОРЧИНСКИЙ.